

Доклады

УДК 930.2

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
КРЫМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1945 Г.:
К ВОПРОСУ О НАУЧНОЙ ЭТИКЕ****Шевченко Олег Константинович,**

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» в г. Ялте,
кандидат философских наук, доцент,
Ялта, Крым, Россия,
E-mail: filosof-klub@mail.ru

Аннотация

Исторические тексты о Ялте создаются не в формате сухого анализа фактов, а красочного совмещения микроистории быта и макроистории события. Причина – игнорирование незыблемых правил обработки исторического источника в угоду красочности текста и широкого анализа стратегем геополитики союзников.

Ключевые слова:

Ялта-45, историография Ялтинской конференции, источниковедение, историческая эпистемология.

Актуальность. Крымская конференция 1945 года как историческое событие оставила глубоко вдавненный след в сознании народов Европы и Азии. Она зафиксировала рождение Нового мира, появление новой конфигурации границ Европейских и Азиатских стран. Вполне естественно, что событие со столь значительным резонансом привлекало взгляды десятков, если не сотен ученых в СССР, США, Великобритании, Франции, Японии... Не оставили своим вниманием Крымскую конференцию и специалисты из Российской Федерации, Украины, Белоруссии. Однако за сотнями статей и десятками монографий

два существенных блока исторического исследования как бы растворились в текстах и мыслях историков. Речь идет об историографии и источниковедении.

Во всем массиве «Ялтинского» компендиума практически отсутствуют монографии и диссертации, посвященные историографическим разработкам Крымской конференции. В наличии имеются лишь фрагментарные обзоры основных достижений предшественников. Они носят вводный характер к выбранной автором теме и впоследствии никак не влияют ни на ход исследования, ни на формируемую стратегию изучения проблемы.

Что же касается источниковедческих штудий, то они отсутствуют вовсе. Данный факт вызывает недоумение и требует объяснения для последующего выправления ситуации.

Объект: Историография и источниковедение Крымской конференции. *Предмет:* «Исторический источник» как феномен историографии «Ялтинских встреч».

Цель: определить параметры кризиса исторического источника в работах о Крымской конференции 1945 г.

Задачи: очертить базовые этапы историографии Крымской конференции; выявить круг источников по «Ялтинским встречам»; определить методологические принципы работы историков с источниками о «Ялте»; зафиксировать aberrации в реальности «научная этика» и вскрыть их причины; предложить вариант разрешения определенной кризисной ситуации.

Методы исследования. Прежде всего, метод описания как базовый в научном исследовании. Во-вторых, метод абстрагирования (для отсеивания излишнего малоинформативного знания) и метод формализация (для выявления типичных черт информационного поля о Ялта-45). В-третьих, метод мысленного эксперимента для определения должного в формировании научного этикета по теме «Ялта-45» и сущего, того, что ныне существует и развивается.

Основные результаты исследования. И в Белоруссии, и в Российской Федерации, отчасти и на Украине усилия историков по изучению «Ялты» прочно покоятся на советских штудиях: архивных публикациях, теоретических разработках, методологических клише. Заявление для начала статьи смелое, но прошу воспринимать его как теоретический вексель, который будет «погашен» на последующих страницах. А на данном этапе заявленный тезис властно требует отметить этапы советского освоения крымской конференции 1945 г. как исторического События. Ведь современная кризисная ситуация не появилась «вдруг» и «неожиданно». Она имеет свой инкубационный период, созревание и развитие. И искать

ее зарождение необходимо именно в советской научной школе.

Пожалуй, первой советской работой, посвященной Крымской конференции стала перепечатка публичного доклада А.С. Ерусалимского [2]. В этой небольшой книжце заложены основополагающие элементы всей последующей советской историографии. Сгруппируем элементы в несколько пунктов.

Во-первых, материал «Крымской конференции» охватывается весь, целиком: от споров где проводить конференцию до геополитического анализа всех ее решений.

Во-вторых, перед собственно анализом проблемы читатель предуведомляется о характернейших чертах западной историографии в форме телеграфных зарисовок или публицистических пассажей.

В-третьих, четкое анатомирование крымской конференции на несколько тематических блоков: «Вопрос о Польше», «Вопрос о Югославии» и т. д.

Второй знаковой книгой в советской традиции, безусловно, является монография С.Б. Сосинского [12]. Сергей Брониславович вводит новые идеи и методики в советскую историографию о «Ялте». Прежде всего, это попытка сориентировать громоздкий материал «Ялты» на постижение позиции США в 1945 г. и в разгар Холодной войны. Это собственно не историческая, а скорее политологическая задача. Но решалась она под флагом исторической науки. С.Б. Сосинский вводит в традицию постижения «Ялты» лирические тона микроистории. Например, описание погрузки англо-американской делегации в самолет на о. Мальта [12, с. 50]. Или описание почти театрализованного выхода Сталина в зал заседаний [12, с. 53], много внимания уделяется перемещениям делегаций, частным вопросам пейзажей и обслуживания. В конечном счете, книга оставляет впечатление некой смеси краеведения и геополитики; с большим вкусом проанализированной словесной эквилибристики союзников.

Серия работ В. Я. Сиполса – иное направление советской историографической школы [8; 9]. Так работы апологетов данной традиции более сдержаны, более аналитичны и фактологичны. Однако и в них регулярно встречаются краеведческие пассажи, которые органично вплетаются в Крымскую конференцию как событие планетарного масштаба. При всех своих достоинствах данное направление получило свое развитие лишь в плане подготовки учебников и энциклопедических статей, на весь основной блок монографий и диссертаций существенного влияния оно не оказало (более детально и подробно указанная ситуация раскрыта в двух статьях автора этой публикации [14; 15]).

После крушения СССР тематика «Крымской конференции» перестает быть интересной для исторического сообщества. Так, в России выходит лишь несколько книг о «Ялте», среди которых следует выделить монографию Б. Н. Славинского [10]. Она, впрочем, так и осталась в одиночестве, не породив продолжателей. После 1992 года в Российской Федерации также не была защищена ни одна диссертация по заявленной тематике. Те статьи и разделы монографий, которые касались Ялты, не выходили за пределы советских традиций. В чем-то даже значительно им уступая. Так, если советские авторы насыщали свои произведения массивными цитатами англоязычных источников, которые хоть и не служили целям взаимной перепроверки, но несли богатый фактологический материал, то современные публикации ориентируются, как правило, исключительно на русскоязычные тексты и рабски следуют опубликованным стенограммам.

В Украинской исторической традиции Ялтинские соглашения существуют лишь в контексте истории Украины, интересны лишь для истории Украины, служат для уточнения ключевых параметров украинской истории середины XX века. Весь остальной массив смыслов хоть и признается, но историческому обсуждению не подвергается. Это суще-

ственный отход от советских традиций, но не в контексте методологий (они сохраняют свои параметры), а в плане идеологических ограничений и коннотатов [1, с. 40–41].

С 1995 года можно говорить о формировании если и не Крымской школы, то уж во всяком случае Крымского направления. В отличие от коллег в РФ и Украине крымские историки начали демонстрировать фейерверк исследовательской активности. Публикуются книги, в которых вводятся в оборот новые архивные и мемуарные документы [4; 17; 18], комплексные монографии [19]; создаются научные справки, в которых открываются новые аспекты проблемы [16]; организуются тематические конференции [7, 18, 24, 26].

В настоящий момент по количеству публикаций, проведенных научных мероприятий Крымский блок историографии «Ялты» фактически является локомотивом проблемы. Ни российская, ни собственно украинская традиция не может с ним равняться. Но... есть одно «НО». Крымское направление целиком и полностью восприняло большинство черт советских исследовательских методологий. Более того, крымские исследователи довели их до логического совершенства, а, следовательно, попали в тупиковую ситуацию. Которая возникает в любой исследовательской традиции, дошедшей до своих пределов и в силу этого не способной к трансформации и саморефлексии. На данном этапе стало возможным выявить структурные недостатки системы. Те недостатки, которые нивелировались в момент развития и практически не видимы в вялых усилиях коллег «Ялтинцев» из РФ и Украины, но отчетливо проступают в крымских работах. Точно так же, как асимметричность валунов долины скрывает утренняя дымка, и та же асимметричность резко являет себя в пиках горной вершины подсвеченной закатным солнцем.

Основная структурная, или если угодно, системная проблема крымчан – этико-источниковедческая. Попробуем узнать, что есть такое «Крымская конференция 1945 г.»

для советских (а, следовательно, и крымских) историков. Анализ работ приводит к обезкураживающему выводу. Единая, вроде бы цельная реальность, при чтении введения и заключения, распадается на локусы, блоки, когда вдумчиво с карандашом в руке отмечаешь вехи отсылок к историческим источникам. Так, при чтении ссылок и комментариев, убеждаешься, что автономно на текстах одной статьи или даже тезисов сосуществует реальность политическая, военная, медицинская, психологическая... Каждый источник – это не камушек в фундаменте монографии (статьи), а прямо таки отдельный кустик, растущий сам по себе возле колодца или крыльца. Он есть фактор ландшафта, а не строительный элемент постройки.

Источники вводятся практически без атрибуции, как факты, не требующие сомнений в своей истинности. Вопрос о достоверности практически не стоит. На нескольких страницах текста порой происходит источниковедческая вакханалия: факты военной истории подтверждаются ссылками на энциклопедии, политическая история обосновывается с изумительной легкостью мемуарами политиков, личной перепиской, ссылками на общепринятые, но от этого не более достоверные, сборники документов.

Перекрестного анализа источников нет, системной работы по выявлению репрезентативности – тоже. Ввод новых данных происходит так же просто, как и ссылка на классическую монографию, и методологически эти два (в сущности разных процесса) в тексте визуально не отличимы. Одним словом характернейшие симптомы современной исторической науки [10]. Косвенным доказательством того является отсутствие изданий собственно документального характера (целиком и полностью посвященных публикации новых документов, их анализу, атрибуции и т. д.). Исключением из этого правила, да и то, с существенными оговорками, является лишь одна публикация [8].

Объективной причиной столь легкомысленного обращения с процессуальными про-

цедурами научной этики есть благое в основе, но как оказалось порочное в предметных проявлениях стремление к освещению Крымской конференции сразу и целиком: от проблем апельсинового дерева в холле Воронцовского дворца до философско-экономических проблем взимания репараций с Германии. Эта неистребимая тяга к всеобщности, пропитавшая любое произведение о Ялте «романтическая» черта, – играет злую шутку над ученым. Заставляя его хоть и энергично, но хаотично вводить в свой текст принципиально отличающиеся друг от друга разряды источников (макро- и микроуровней).

Отчего возникла эта тяга к смеси фактов и миксера событий из разных плоскостей исторического события? Ведь отчего-то эта тенденция стала решающей? Ведь в силу каких-то ясных и четких фактов она превратилась в железную норму?

Ответ лежит, как это ни странно, в самом понятии «исторический источник».

Живая ткань истории проявляет себя в мемуарах и письмах. Историк живет в своей среде, когда говорит о проблемах отделки помещений или об эмоциональном портрете американцев в глазах советского сотрудника НКВД. В этом блоке чувствуется биение времени, трепетание исторической эпохи, колебание вуали реальности. Но в момент перехода к решениям конференции или ходу переговоров наступает ощутимая пауза. Историк «Ялтинец», вдруг, неожиданно становится рабом опубликованной стенограммы. Услужливо следует ей, отождествляя реальность события с документом. Этот эффект отождествления источника и носителя информации прекрасно высветил Ю. А. Святец [11, с. 44–47]. Его выводы как нельзя лучше объясняют ту аберрацию, которая сложилась при обращении историков к стенограммам конференции. Развивая эту мысль, следует указать, что за словами «стенограмма Крымской конференции 1945 г.» нет никакой реальности. Поясняю. На заседаниях Крымской конференции стенограмм в общепринятом

смысле этого слова не велось. Переводчики вели личные, рабочие заметки о ходе переговоров. После они были сведены в единый относительно последовательный блок и перепечатаны. Какие правки вносились на данном этапе – неизвестно. Какие купирования происходили – не ясно. Полученный текст предназначался для личного архива И. В. Сталина, для служебного пользования. Он не преследовал цель полного, исчерпывающего освещения события. Изначально предполагал избранность и личную заинтересованность в том или ином блоке информации. Этот материал и стал основой для советских публикаций, которые нашли свое законченное выражение в классическом сборнике [16]. Издание было купированным. Оригиналы документов – недоступными. То есть фактически на руках исследователя не было полноценного документа (американский сборник также страдал подобными недостатками, но взаимной перекрестной проверки обе публикации до сих пор не имели (!)).

Таким образом, единственными историческими источниками оставались либо микрофакты, либо то, что сейчас получило четкое наименование «Источник особого происхождения» (письма, дневники, мемуары...) [9]. Стенограмма являлась для историка лишь схемой, единственной и... неизбежной. Не допускающей толкований или осмыслений. Свобода творчества могла проявить себя лишь в микроистории и краеведении.

Усилия Н. А. Нарочницкой [25] по разрешению дилеммы и предоставлению исследователям достойных материалов из папки Сталина увенчались частичным успехом. Они показали, что сами материалы явно не совершенны. Но даже они в полной мере так и не были опубликованы. Не были пущены в оборот личные и служебные пометки на документах. Причем пометки отчетливые, сделанные рукой самого И. В. Сталина. Оригиналы же документов так и носят закрытый характер. Следовательно, до сих пор у специалистов нет ясных и прямых

источников. А лишь косвенные и временами неизмеримо сомнительные.

Вывод. Историография Ялтинской конференции изобилует тезисами, статьями, монографиями, создававшимися на русском, украинском и белорусском языках, начиная с 1945 года. Однако источниковедческая база была предельно узка. С одной стороны, схематичный, купированный и несколько хаотично составленный набор стенограмм о конференции, а с другой – живая ткань устной истории. Историк был вынужден нарушать всяческие нормы научного этикета, дабы максимально объемно и выпукло осветить ход конференции. Несчастливая звезда историографии по теме Ялты-45 требовала от ученого не сухого анализа фактов, а красочного совмещения микроистории быта и макроистории события, не упуская при этом (!) глобального видения роли Ялты в послевоенной политической игре. Очевидно, что нельзя объять необъятное, и ориентируясь на традицию первых советских работ, ученые стали игнорировать незыблемые правила обработки исторического источника. По наследству эта досадная aberrация перешла к исследователям из независимой Украины и России. Более того, игнорирование научной этики происходит как раз у наиболее активно пишущих историков, как тех, которые вынуждены массово применять источники разного происхождения и классов. Удар по научному этикету, нанесенный слабостью источниковедческой базы и необозримой геополитической задачей, может быть парирован только строгостью мысли и сухостью фактов как следствием скрупулезной работы с оригинальными текстами по теме Ялты-45 (стенограммами, служебными записками, журналами наблюдений и т. д.).

1. Shevchenko O.K. Yalta-45: Ukrainian science historiographic realia in globalization and universalism era // Science and Education a New Dimension. Humanities and Social Science. – 2013. – Issue: 12. – Vol. I. – № 2. – P. 39–42.

2. Ерусалимский А. С. Крымская конференция: Стенограмма публичной лекции. – М.: «Правда», 1945. – 26 с.

3. Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года:

- уроки и перспективы: Материалы междунар. Науч. Симпозиума. – Симферополь: Крымский архив, 1996.
4. Крымская конференция в воспоминаниях и документах / Сост. Е.Н. Дорошенко, О.А. Шамрин. Под ред. С.В. Юрченко. – Симферополь: Издат дом «Крым», «Таврия», 2006. – 208 с.
 5. Остряно А. «Джерела особового походження»: семантика поняття // Єйдос. – 2010/2011. – Вип. 5. – С. 230–242.
 6. Папакін Г.В. Використання історичних джерел в археографічних публікаціях: суспільні виклики та наукові проблеми (роздуми архівознавця) // Український історичний журнал. – 2009. – № 6. – С.135–146.
 7. Святец Ю.А. Исторический источник: современная научная категория или архаизм // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. – Вып. 6. – Мінск: БДУ, 2011. – С. 41–55.
 8. Сиполс В.Я. На пути к великой Победе: Советская дипломатия в 1941–1945 гг. – М.: Политиздат, 1985. – 495 с.
 9. Сиполс В.Я., Челышев И.А. Крымская конференция. 1945 год. – М.: Междунар. Отношения, 1984. – 96 с.
 10. Славинский Б.Н. Ялтинская конференция и проблема «северных территорий». – М.: ТОО «Новина», 1996. – 221 с.
 11. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 г. – Т. 4. – М.: Политиздат, 1979.
 12. Сосинский С.Б. Операция «Аргонавт» (Крымская конференция и ее оценка в США). – М.: Международные отношения, 1969. – 127 с.
 13. Три подхода к войне и миру: Сталин, Рузвельт, Черчилль на Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г. и уроки для формирования новой системы международной безопасности / Матер. науч. конф. (5–7 февраля 2004 г.) Под ред. Юрченко С.В.. – Симферополь: ИПЦ «Магистр», 2004.
 14. Шевченко О.К. 1945–1974 гг. как период формирования советской историографии Ялтинской конференции / О.К. Шевченко // Культура народов Причерноморья. – 2013. – № 254. – С. 174–177.
 15. Шевченко О.К. Расцвет советской историографии ялтинской конференции в 1975–1987 гг. / О.К. Шевченко // Культура народов Причерноморья. – 2013. – № 257. – С. 115–120.
 16. Шевченко О.К. Ресурси наукового архиву Лівадійського палацу-музею і Кримська конференція 1945 р.: історіографічна розвідка // Вісник львівського університету. Серія міжнародні відносини. – 2013. – Вип. 33. – С. 47–54.
 17. Юдина Л.Д. Саки – «ворота» Крымской конференции. 1945 год. – Симферополь: магистр, 2005. – 48 с.
 18. Юрченко С.В. Гриф секретности снят: охрана Ялтинской конференции 1945 года / С.В. Юрченко. – Севастополь: Мир, 2003. – 178.
 19. Юрченко С.В. Ялтинская конференция 1945 года: хроника создания нового мира / С.В. Юрченко. – Симферополь: ИД «Крым», 2005. – 340 с.
 20. Ялта 1945–2000: проблемы международной безопасности на пороге нового столетия. Междунар. Науч. Симпозиум (4–7 февраля 2000 г., Ялта): Материалы / Под ред. В.П. Казарина. – Симферополь: Крымский архив, 2001.
 21. Ялта-45. Начертания нового мира / Отв. Ред. Н.А. Нарочницкая. – М.: Вече, 2010. – 288 с.
 22. Ялтинская система и современный мировой порядок: проблемы глобальной и региональной безопасности. Матер. науч. конф. (Ялта. 17–21 февраля 2010 г.). Под ред. С.В. Юрченко. – Симферополь: Антиква, 2010.
-
1. Shevchenko O.K. Yalta-45: Ukrainian science historiographic realia in globalization and universalism era // Science and Education a New Dimension. Humanities and Social Science. – 2013. – Issue: 12. – Vol. I. – № 2. – R. 39–42.
 2. Erusalimskij A.S. Krymskaya konferenciya: Stenogramma publichnoj lekci. – М.: «Pravda», 1945. – 26 s.
 3. Krymskaya (Yaltinskaya) konferenciya 1945 goda: uroki i perspektivy: Materialy mezhdunar. Nauch. Simpoziuma. – Simferopol': Krymskij arxiv, 1996.
 4. Krymskaya konferenciya v vospominaniyax i dokumentax / Sost. E.N. Doroshenko, O.A. Shamrin. Pod red. S.V. Yurchenko. – Simferopol': Izdat dom «Krym», «Tavriya», 2006. – 208 s.
 5. Ostryanko A. «Dzherela osobovogo pochodzhennya»: semantika ponyattya // Єйдос. – 2010/2011. – Вип. 5. – С. 230–242.
 6. Papakin G.V. Viktoristannya istorichnix dzherel v arxeografichnix publikacijax: suspil'ni vikliki ta naukovi problemi (rozdumi arxivoznavcya) // Ukrain'skij istorichnij zhurnal. – 2009. – № 6. – S.135–146.
 7. Svyatec Yu.A. Istoricheskij istochnik: sovremennaya nauchnaya kategoriya ili arxaizm // Krynicaznaўstva i specyjal'nyya gistorychnyya dyscypliny: navuk. zb. – Vyp. 6. – Minsk: BDU, 2011. – С. 41–55.
 8. Sipols V.Ya. Na puti k velikoj Pobede: Sovetskaya diplomatiya v 1941–1945 gg. – М.: Politizdat, 1985. – 495 s.
 9. Sipols V.Ya., Chelyshev I.A. Krymskaya konferenciya. 1945 god. – М.: Mezhdunar. Otnosheniya, 1984. – 96 s.
 10. Slavinskij B.N. Yaltinskaya konferenciya i problema «severnix territorij». – М.: TOO «Novina», 1996. – 221 s.
 11. Sovetskij Soyuz na mezhdunarodnyx konferenciayah perioda Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 g. – Т. 4. – М.: Politizdat, 1979.
 12. Sosinskij S.B. Operaciya «Argonavt» (Krymskaya konferenciya i ee ocenka v SShA). – М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1969. – 127 s.
 13. Tri podxoda k vojne i miru: Stalin, Ruzvel't, Cherrill' na Krymskoj (Yaltinskoj) konferencii 1945 g. i uroki dlya formirovaniya novej sistemy mezhdunarodnoj bezopasnosti / Mater. nauch. konf. (5–7 fevralya 2004 g.) Pod red. Yurchenko S.V. – Simferopol': IPC «Magistr», 2004.
 14. Shevchenko O.K. 1945–1974 gg. kak period formirovaniya sovetskoj istoriografii Yaltinskoj konferencii / O.K. Shevchenko // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2013. – № 254. – С. 174–177.
 15. Shevchenko O.K. Rascvet sovetskoj istoriografii yaltinskoj konferencii v 1975–1987 gg. / O.K. Shevchenko // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2013. – № 257. – С. 115–120.
 16. Shevchenko O.K. Resursi naukovogo arxivu Livadijs'kogo palacu-muzeyu i Krims'ka konferenciya 1945 r.: istoriografichna rozvidka // Visnik I'viv'skogo universitetu. Seriya mizhnarodni vidnosini. – 2013. – Vip. 33. – С. 47–54.

17. Yudina L.D. Saki – «vorota» Krymskoj konferencii. 1945 god. – Simferopol': magistr, 2005. – 48 s.
18. Yurchenko S.V. Grif sekretnosti snyat: ohrana Yaltinskoj konferencii 1945 goda /S.V. Yurchenko. – Sevastopol': Mir, 2003. – 178.
19. Yurchenko S.V. Yaltinskaya konferenciya 1945 goda: xronika sozdaniya novogo mira / S.V. Yurchenko. – Simferopol': ID «Krym», 2005. – 340 s.
20. Yalta 1945–2000: problemy mezhdunarodnoj bezopasnosti na poroge novogo stoletiya. Mezhdunar. Nauch. Simpozium (4–7 fevralya 2000 g., Yalta): Materialy / Pod red. V.P. Kazarina. – Simferopol': Krymskij arxiv, 2001.
21. Yalta-45. Nachertaniya novogo mira / Otv. Red. N.A. Narochnickaya. – M.: Veche, 2010. – 288 s.
22. Yaltinskaya sistema i sovremennyj mirovoj poryadok: problemy global'noj i regional'noj bezopasnosti. Mater. nauch. konf. (Yalta. 17–21 fevralya 2010 g.). Pod red. S.V. Yurchenko. – Simferopol': Antikva, 2010.

UDC 930.2

SOURCE STUDIES OF THE CRIMEAN CONFERENCE 1945: TO THE QUESTION ON SCIENTIFIC ETHICS

Shevchenko Oleg Konstantinovich,

Humanitarian-pedagogical Academy (branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta,
Candidate of philosophical sciences, Associate Professor,
Yalta, Crimea, Russia,
E-mail: filosof-klub@mail.ru

Annotation

Historical texts about Yalta are not in the format of a dry analysis of the facts, and colorful combining micro history and macro life history of co-existence. The reason – ignoring the immutable rules of processing historical source in favor of the brilliance of the text and a broad analysis stratagem geopolitical allies.

Key words:

Yalta-45, Yalta conference historiography, source studies, historical epistemology.